

Дахабская история

8 лет Обез кокоса

Год из жизни
египетского
«локала»

Документальный роман

Анна Горяинова

Анна Горяинова
8 лет без кокоса

«Издательские решения»

Горяинова А.

8 лет без кокоса / А. Горяинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748202-2

Книжка-легенда, собравшая многие знаменитые дахабские байки, от «Кот здоров и к полету готов» до торта «Андрей. 8 лет без кокоса». Книжка-воспоминание: помнит битые фонари на набережной, старый кэмп Лайт-Хаус, Блю Лагун и свободу. Книжка-ощущение: если вы не в Дахабе, с ее помощью вы нырнете на Лайте или снова почувствуете, как это — «В Лагуне задуло»...

ISBN 978-5-44-748202-2

© Горяинова А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. На дне	6
I. Задворки географии	6
II. Анна-на	14
III. «Аляска, сэр!»	16
IV. Удивительное – рядом	18
V. Прощай?..	19
VI. «Ты туда не ходи!»	20
Часть II. Лицо дахабской национальности	25
I Возможность полуострова	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

8 лет без кокоса
Дахабская история
Анна Горяинова

© Анна Горяинова, 2016

© Надежда Кабанова, дизайн обложки, 2016

© Надежда Кабанова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. На дне

*Синайский полуостров связывает Африку с Азией, к которой он географически относится. Полуостров вклинивается в Красное море и омывается с запада Суэцким заливом, а с востока – заливом Акаба. Необычайно красивые коралловые рифы и богатейшая морская фауна без труда объясняют тот факт, что южное побережье Синая считается одним из лучших мест для подводного плавания в мире.
Официальный сайт Министерства туризма Египта www.goegypt.ru*

I. Задворки географии

«Это же „родная“ Mandarin Duck! Полторы зарплаты на нее грохнула! У-у, вандалы! Азиаты!» – я стояла посреди аэропорта города Шарм-эль-Шейх и громко скорбела о потере моим чемоданом приличного вида. Создавалось ощущение, что в багажном отсеке он все четыре часа полета бился не на жизнь, а на смерть с чьей-то колхозной тележкой на ржавых железных колесах. «Колхозница» хорошо отделала моего «аристократа» – его кожа нежно-абрикосового оттенка была вся покрыта черными полосами царапин, фирменный логотип частично отклеился, одно колесико «хромало». Я попыталась сдвинуть чемодан с места. Это всегда было делом нелегким, но, как правило, раньше мне помогали представители отеля, встречавшие в аэропорту.

«Тебя встретит человек с табличкой, на ней будет твоя фамилия. Увидишь такого, беги к нему, это – твой трансфер в Дахаб» – сказала мне девочка Маша за день до моего отъезда. Я огляделась вокруг. По холлу аэропорта сновали арабы, держащие в руках таблички с логотипами известных туроператоров, и заботливо собирали своих осоловелых после перелета клиентов в маленькие аккуратные стада. Я позавидовала счастливым – теперь им не нужно напрягаться и о чем-либо думать, они просто пойдут за гидом, сядут в автобус, который доставит их в отель, где все включено... Не было здесь человека с моей фамилией на табличке.

«А чего ты ожидала, женщина? Нет, чтобы как все люди, купить путевку в агентстве и отдыхать себе спокойно! Надо было найти в Интернете девочку Машу, которая отправила тебя на египетские задворки географии... И как мне теперь одной добираться до Дахаба? Такси арабское ловить? Ну да, и доставит оно меня радостно в какой-нибудь местный бордель»...

Продолжая кряхтеть и громко ругаться, я попыталась оттащить свою неподъемную гламурную ношу в сторону от транспортера. Я почти уже допинала чемоданище до выхода, как вдруг услышала нехороший хруст под ногами. Каблук подломился, только и успела подумать я прежде, чем шлепнуться на карачки. Лайкровые микрошорты D&G, дающие о себе знать при любом резком движении, тут же преобильно впились в задницу. Вокруг раздалось противное улюлюкание местного мужского населения, для которого я уже минут десять работала бесплатным аттракционом. Поднявшись, я в довершении всего обнаружила, что до крови разбила об мраморный пол колено. В сердцах забыв про злосчастный чемодан, я стащила дурацкие туфли и с ними в руках ретировалась в женский туалет – промыть рану, но главным образом ради того, чтобы скрыться от любопытных арабских глаз. Здесь уже я дала волю слезам – туалет пуст, стесняться некого. Вот дурдом! Приехала отдыхать, радоваться жизни – и на тебе, опозорилась в первые же минуты. Я с ненавистью зашвырнула туфли в мусорный бачок.

«Marc Jacobs, 600 долларов, месяц ждала, пока из Штатов привезут...» – пронеслось в голове.

«Вот дерьмо... Да и вся моя жизнь – одно сплошное унылое дерьмо» – вспомнила вдруг я, и от жалости к себе и к своей дурацкой жизни, в которой ничего не ладится и все не как у людей, зарыдала еще горше.

Москва, двумя неделями ранее

«Это чего?» – спросил Коля, разворачивая подарочную упаковку. В голосе его, вопреки моим ожиданиям, слышалась не радость, а легкое раздражение. «Не „чаво“, а духи BVLGARY. Коллекционный аромат, между прочим. Специально для снобов. Тебе понравится» – не удержалась я. Откровенно говоря, Колино поведение нравилось мне чем дальше, тем меньше. Я, конечно, все понимаю – он весь из себя великий, всемирно известный фигурист, а в последние два года еще и популярный телеведущий. Медийное, блин, лицо. Между прочим, не без моей скромной помощи он им стал. Это не кто иной как я всеми правдами и неправдами запихнула полузабытого чемпиона мира десятилетней давности Николая... ва в теле-шоу «Звезды льда». Просто чтобы помочь ему вылезти из долгой депрессии, заставить перестать бухать. Думала, лед даст ему ожить... Труднее всего оказалось даже не договориться с канальными рг-щиками и редакторами шоу – всех их я знаю еще по университетской скамье. Самое сложное было уговорить выйти на лед самого моего героя – «я не пойду, не буду, я свое откатал, там все молодые – ни к чему мне позориться». Но первые же тренировки и последовавшее за ними выступление вернули ему веру в себя. Да и успех у жюри и зрителей был мгновенным – хоть поначалу Ник катал программу без сложных элементов, но катал ее с таким чувством, с такой отдачей, что, казалось, даже лед оживает и становится его помощником, гармоничной частью танца. Коля настолько понравился продюсерам, что они предложили ему поработать в следующем сезоне шоу в качестве ведущего. Ну и понеслась – одна программа, вторая, обложки журналов, небольшая роль в художественном фильме про спортсменов, а сейчас – уже и свое ледовое шоу. Поначалу я помогала ему, создавая рг-стратегию и направляя поток журналистского и продюсерского внимания в нужную сторону. Ведь, как ни крути, в этом я профессионал. Я – рг-агент, делать людей знаменитыми – моя работа... Нику я помогала, разумеется, совершенно бесплатно. Мне даже не нужна была его благодарность, достаточно было видеть его шальные от полузабытого счастья, сияющие глаза, когда он снова стал выходить на лед. Да и потом, моя роль в этой истории весьма скромна – Ник успешен благодаря только лишь своему мастерству и Богом данному таланту, и этим он уникален. По большому счету, таким людям агент нужен лишь на начальном этапе, на старте, дальше все пойдет само собой. Так и произошло – постепенно Коля сам стал разбираться, что к чему и почему в нехитрой системе шоу-биза, и вообще отказался от помощи даже тех рекламщиков, услуги которых оплачивал телеканал.

Как-то я отправилась смотреть Колино выступление в прямом эфире в спорт-бар, позвала компанию друзей... «Я хочу сказать слова благодарности за свое возвращение на лед, возвращение к жизни» – начал запыхавшийся после выступления Ник на камеру, и в голосе его слышалось волнение. Друзья мои, будучи в курсе нашей с ним истории, застыли в изумлении – ну неужели решился? Да еще на всю страну? – «Я хочу поблагодарить моего самого дорогого, самого близкого и родного человека, без которого все это оказалось бы невозможным...» – у меня навернулись слезы – «мою жену Марину! Мариночка, ангел мой, спасибо тебе!» Невыплаканные слезы застыли в глазах.

«Спасибо, Марина».

«Ведьма» Марина, с которой ты третий год подряд обещаешь мне развестись...

«Не пойму, что ты обижаешься – шоу семейное, любящий муж и хороший отец – важная часть моего образа. Я не могу сейчас взять и развестись – эта ведьма всю прессу на голову поставит, угробит мне проект... Ты ж профи, сама должна понимать!» – с неким недоумением отреагировал Ник на мое возмущение.

И я простила.

Хоть он меня об этом даже не попросил...

С тех пор отношения наши только и делали, что ухудшались. Виделись мы все реже – Ник был бесконечно занят на съемках и гастролях. Да и изменился он, как-то исподволь, постепенно, но очень сильно. Тон его все чаще приобретал то раздраженные, то пренебрежительные оттенки. Если раньше Ник рассказывал мне абсолютно все о своей жизни, делился проблемами, спрашивал совета, то сейчас о себе он говорил скупой и на расспросы реагировал раздраженно и по большей части односложно. В одну из наших редких встреч я сказала ему, просто даже ради того, чтобы спровоцировать хоть какую-то живую реакцию, что мы стали как кролики – быстро и молча трахаемся, и разбегаемся в разные стороны. Ник на это лишь пожал плечами и хмыкнул. Как водится, раздраженно.

...Ник все крутил в пальцах бархатную коробочку BVLGARY. Лицо его не подавало признаков радости. Меня уже начала бесить его кислая мина – в конце-то концов, это мой подарок ему на день рождения, мог бы хоть из вежливости улыбнуться. Неслабый такой вообще подарок – последние 300 баксов за него выложила. Теперь неделю без копы сидеть до зарплаты. Между прочим, это у меня был повод расстроиться – коль уж день рождения, мог бы и в ресторан позвать, а не в очередную съемную холостяцкую конуру! Сейчас мы вообще сидели во дворе, в колиной машине, ибо в конуру раньше времени вернулся ее хозяин. Да, не задался сегодня денек. А ведь мне еще работать...

«Слушай, заведи ты это» – вдруг выдал Ник – «И сама не душись в следующий раз перед встречей, ок? А то меня жена палит постоянно, мол, как не приду, все женскими духами от меня воняет. А уж если я с такой штукой домой ввалюсь, то все – скандал вселенский гарантирован».

Пока я приходила в себя от этих откровений, Ник выехал из дворов и через сотню метров остановился.

– Ну все, малыш, вылезай, а то мне ехать пора...

– Что значит «вылезай»? Ты же обещал меня довезти до «Метелицы»! Мы ведь договорились!

– Ань, на Арбате сейчас пробки дикие, так что давай ты сама, а? На метро? Так реально быстрее выйдет, и тебе и мне.

«Пошел ты!» – подумала я, от души хлопнув дверцей Колиного «Геленвагена», зная, что Ник терпеть этого не может. В первый раз мне захотелось его послать по-настоящему, наверное, это и вправду конец, подумалось вдруг мне, когда машина скрылась за поворотом.

«Добрый» Ник высадил меня посреди Чистопрудного бульвара, в адский дождь. «А вот если я простужусь? Заболею и умру? Он не думал об этом?» – размышляла я, шлепая босножками от Маноло по московским сентябрьским лужам. Зонта у меня, разумеется, не было. Злость и холодные струйки дождя размыли последние остатки иллюзий.

«Плевать ему на это десять раз с высокой башни. Найдет другую такую же дуру. Если уже не нашел...» – внезапно со всей отчетливостью поняла я...

Телефон начал разрываться уже на подходе, точнее сказать, на подбеге, к дверям клуба «Метелица». Здесь через полчаса должна была состояться презентация для журналистов нового альбома поп-группы «Стервочки». Я, будучи рг-директором этого чудного коллектива, была в ответе за организацию мероприятия. Для гостей оно – праздник, а для участников и организаторов – проклятье. Впрочем, то же самое можно сказать и про любую домашнюю вечеринку...

Презентация должна была попутно решить еще одну задачу – представить публике новую солистку группы Юленьку Шанс. Юленька еще не очень обтесалась и при общении с прессой вполне могла сморозить какую-нибудь хрень. Которая тут же будет растиражирована – даже дружественно настроенные журналисты никогда не упустят случая добавить «перчинки» в материал. Посему я пригласила несколько камер приехать до начала мероприятия, чтобы

и Юленьке было не так нервозно, и мне легче контролировать ситуацию. Благодаря же Нику и его несдержанному обещанию мне пришлось тащиться до Арбата на метро, а затем бегом бежать километр до «Метелицы». И тем не менее я, как ни старалась, опоздала минут на двадцать на мною же назначенную встречу. Но я все же понадеялась на опытность остальных участниц группы...

– Анюттик, ну где же ты ходишь, у нас тут совсем беда без тебя! – Настя Вольная, одна из старейших участниц коллектива, развеяла остатки этих надежд. Девушка только что не рыдала, дожидаясь меня в дверях клуба.

– Юля уже поговорила с MTV? – с ходу спросила я. Ребята с этого канала звонили мне уже раз двадцать – им надо было выезжать на другую съемку, а пообщаться с Юлей все никак не получалось.

– Нет – пискнула Настя.

– Ну почему?! Я ведь просила ей передать, чтобы она вышла и дала интервью! Ведущая – моя однокурсница, не надо ее бояться! – взвилась я.

– Мы ей сказали. – Настя чуть не плакала.

– И что? В чем дело-то?

– Юля не может говорить. Она надула губы...

Тут, признаться, дар речи чуть не утратила я. Какие-то дурацкие обиды – это не повод срывать недельную работу всей команды! Губы она надула... Звездой себя, что ли вообразила? «Пока не падете все на колени и не запросите прощения, на сцену не выйду»? Сейчас такое ей устрою, на всю жизнь отучится ерундой страдать! Злость и плохое настроение, вызванные общением с Ником и усугубленные прелестями общественного транспорта в час пик, утроились, и несчастную Юленьку и вправду не ждало ничего хорошего.

– Юленька, ты чего, зайчик! – взревела я с порога гримерки, обращаясь к юленькиной хрупкой спине – Кем себя вообразила, солнце? Мадонна, что ли? Эдит б...ь Пиаф?! MTV не достойны тебя лицеизреть, да? Так кого звезда прикажет пригласить? 1 Канал? А может, вообще CNN?

Юленька что-то замычала. Судя по всему, рот ее был чем-то набит.

– Юль, соизволь хотя бы прекратить жрать, когда с тобой люди разговаривают! Объясни как человек, а не как жвачное животное, в чем проблема у тебя!

В ответ Юленька повернула ко мне свое зареванное личико. Я чуть не села там же, где стояла – большую часть симпатичной мордашки занимали огромные, совершенно непропорциональные, какие-то африканские губы, которых еще вчера там не было. Юлька напоминала собой неудачный эксперимент геной инженерии. Отойдя от культурного шока, я заметила, что моя протезе силится что-то сказать, но инородные губищи напрочь отказываются ей повиноваться. Я растеряно огляделась в поисках людей, ибо судя по всему, от Юльки добиться объяснений будет непросто по техническим, так сказать, причинам. Может, в нее вселился космический монстр? Или у Юльки случилась аллергия на какой-нибудь продукт? Тогда надо ей срочно врача вызывать, а лучше «Скорую»... Видимо, последнюю фразу я сказала вслух, так как мне ответила Настя, все это время стоявшая за моей спиной:

– Да какую «Скорую»... Эта дурилка вчера, прямо перед презентацией, решила губы «накачать», в первый раз в жизни. А врач ее, видать, не предупредил, что после инъекции отек трое суток не спадает. Хоть бы с нами посоветовалась заранее, что ли... А то вишь – сюрприз решила сделать. Негритенок, млин...

Отсмеявшись – а хохотала я так, что девчонкам из группы пришлось отпаивать меня водой – я отправилась объясняться с журналистами. В итоге мне удалось отбодриться от прессы и отстоять Юлькино доброе имя каким-то благовидным враньем, и дальше презентация шла

без эксцессов – со сцены губищи не сильно бросались в глаза, а пели девицы понятно дело что под фонограмму.

Наша вечеринка оказалась настолько удачной, что последние гости разъехались около трех часов утра. Я же, закончив все дела и выйдя из клуба, обнаружила, что на дворе уже светает. Метро еще не открылось, на такси денег не было. Благо, меня выручила подружка, живущая на Садовом кольце: «Приходи, конечно, я сама только с тусовки приехала! Кофейку попьем!». До ее дома идти было минут двадцать. Перед уходом я захватила из гримерки подаренную «Стервочкам» бутылку «Майота» – девки все равно на хронической диете и не пьют, да и вообще – заслужила.

Я пошла по Арбату, наблюдая просыпающийся город, окутанный, словно газовой шалью, лиловой дымкой подступающего рассвета.

«Красиво как... – подумалось вдруг мне. – Спокойно».

Жаль, что я редко вижу город таким – раньше полудня, честно сказать, нечасто просыпаюсь. А днем Москва совсем другая – пыльная, склочная, базарная...

Вообще, так, если со стороны посмотреть, странная у меня жизнь какая-то. Вот, сейчас иду, по центру Москвы, шмотья на мне надето на несколько тысяч евро, шампанское дорожущее фигачу из горла, денег при этом машину поймать нет, да и на метро, честно сказать, не уверена что наскребу... А рядом с пустым кошельком в сумочке – парфюм за дикое количество тысяч рублей. Никому не нужный... Нда, понтов немерено, а в сухом осадке что? Ни-че-го. Дом? Съемная халупа с облезлыми стенами на Щелковском шоссе. Спальное место, временное, а не дом.

Семья? Женатый мужик, влюбленный в себя и больше ни в кого. Тоже, получается, как бы муж напрокат...

Работа? Выдувание мыльных пузырей. Прикольно поначалу. А через несколько лет понимаешь, что твой результат, «продукт» либо лопается и исчезает с медийных орбит, либо остается, но ты тут как бы и не при чем. Не вечно это как-то. Авторскую подпись на чужой славе не поставишь. Хотя творцом этой славы зачастую бываешь именно ты... Раньше твердым стержнем, смыслом, вокруг которого вертелась жизнь, была моя любовь к Нику. А теперь стержня нет, истерся, исчез. И все вдруг стало каким-то зыбким, непостоянным, ненастоящим, как этот призрачный московский рассвет. И никто ведь не виноват ни в чем – Ник просто стал другим, а я не заметила вовремя. Есть ли какой-то смысл в любви, если даже она не бывает навсегда?

Чувства выцветают, одежда выходит из моды, работа перестает нравиться, и то, что радовало вчера, уже не вызывает никаких эмоций сегодня. Такое впечатление, что вот свались мне сейчас кирпич на голову, назавтра же никто не вспомнит, что я была – обо мне нечего будет сказать, от меня же в прямом смысле ничего не останется, ни следов, ни мыслей... Ну зачем-то я ведь живу, такая, как есть, с мыслями, с желаниями, с чувствами. Надо же с ними что-то делать. Знать бы еще, что именно... Может, где-то все же есть другая жизнь? Не знаю, какая. Быть может, с более простыми понятиями и ценностями. Но более красочными, живыми. Более вечными, что ли... Хотя, бывает ли вообще хоть что-то вечное, или она везде – эта пластмассовая «жизнь взаймы»?..

«В отпуск тебе надо, мать! Уже два года пашешь без продыху, конечно, тут крышак отъезжать начнет! Ты же всю жизнь мечтаешь научиться дайвингу, так поезжай куда-нибудь, смени обстановку, понырай!» – сообщила подруга Симона, когда я озвучила ей свои рассветные настроения – «Ну и что, что сентябрь на дворе? Я вот только с Мальдивских островов вернулась. Там круглый год тепло, и нырялка классная!».

Классная, да только позволить себе ее ты можешь, если тебя везет туда очередной толстопузый мужик, которого ты подцепила, когда захотелось каникул на океанском берегу. Но я

сдержалась и вежливо промычала что-то нейтральное типа «я подумаю». Это же нормально, так многие делают... Как отдохнуть гламурно без копейки денег в кармане? Да легко. Нужно лишь усвоить один простой закон: кто девушку ныряет, тот ее и... Я вот не могу так. И опять Ник виноват – ну не тянет меня к другим мужикам. Даже сейчас. И к Нику тоже не тянет. И вообще ни к чему не тянет... Так, ну вот, все, опять начинается... Через пару часов и несколько литров кофе меня снова накрыла привычная дневная московская суета, а вместе с ней и тоскливая хандра, к которой я тоже уже начала потихоньку привыкать.

В двенадцатом часу ночи я, наконец, ввалилась домой, уже плохо соображая. Единственным более-менее позитивным результатом очередного безумного дня стало то, что удалось вернуть в магазин злосчастный парфюм BVLGARY – каким-то чудом в сумочке завалялся чек. И теперь я была счастливой обладательницей 300 долларов, 50 рублей и чудовищного разочарования в мужиках как в явлении. Последнее, очевидно, прилагалось к моей судьбе в качестве подарочного бонуса...

«Достало все. Москва эта вониючая, толпы эти потные везде, разговоры про одно только бабло...» – положив тяжелую от подобных мыслей голову на подушку, я, наконец, провалилась в мутный сон. Из которого была выдернута где-то через час пронзительным визгом телефонного звонка.

– Жанну хачу! – сообщил, не мудрствуя лукаво, мужской поддатый голос на другом конце провода.

– У? – ухнула я в трубку разбуженной совой.

– Дэвюшка, я очэн Жанну хачу!

– Какую еще Жанну? – мозг мой еще упирался и отказывался возвращаться из царства сна.

– Фриске, канешна! – е-мое, еще и Фриске.

– Заказать хачу! – вот тебе и раз.

– Дэнъ раждения у меня, в Махачкала! Черэз мэсяц! Жанна сможет ехат? Я заплачу! Любой гонорар! – тьфу, блин. Вот оно – офисы дверь в дверь. И подключены мы к одной сети, и номера у сотрудников Фриске от наших корпоративных мобильных всего на одну цифру отличаются. Потратив еще битый час на то, чтобы объяснить поклоннику Жанны Владимировны, что он обратился не по адресу, я, наконец, положила трубку и снова улеглась спать. Но сон не шел. Стоило закрыть глаза, как мне начинал мерещиться то машущий саблей дагестанский джигит, то Жанна Фриске.

Нет, так недолго и вправду с ума сойти, подумала я, с подозрением взглядываясь в темноту. Вторая бессонная ночь, а ведь завтра снова на переговоры.

«В отпуск тебе надо, мать...» – зазвучал в голове голос подружки Симоны. А может, и впрямь надо? Только вот на дайвинг на Мальдивах-то у меня не хватит. Все бабло на шмотки уходит. А как иначе? По работе приходится тусоваться без продыху, а часто и самой перед камерой стоять, комментировать похождения многочисленных подопечных нашего продюсерского центра – я ведь не одних «Стервочек» веду, и посерьезнее клиенты есть. И с ними на переговоры в джинсиках с рынка не поедешь – не поймут. Ну и вот итог – одна сумочка от Луи Виттона в полторы штуки долларов обошлась. И это еще со скидкой. Хотя какие сейчас скидки? Не исключено, что все-таки подделку мне всучили... Эх, порой и вправду, лучше – не знать. Так никакой зарплаты на отпуск не хватит. По крайней мере, на приличный... А может, не выпендриваться и где подешевле нырялку поискать? Никому не скажу, что в Египте или Турции была, совру, что болела... Я втащила в постель лэп-топ и загнала в поисковик слова «бюджетный дайвинг».

Через полчаса лихорадочного тыканья по ссылкам внезапно, как озарение, на экране возникла фраза: «Русский клуб а Дахабе», лучший дайвинг на Синае. Русские инструкторы, бюд-

жетные цены и душевная атмосфера гарантируются». Дахаб... Никогда не слышала. Где это вообще?

Решение о том, что я очень хочу в Дахаб, возникло с первых же фотографий, обнаруженных на сайте клуба. Я даже толком ничего не прочитала о самом городе – от избытка эмоций сосредоточиться на тексте все равно было невозможно. «Где-то в Египте» – поняла я, и решила не вдаваться в подробности.

Бросившись искать по сети способы попадания в Дахаб, я практически сразу на каком-то дайверском форуме наткнулась на телефон девочки Маши. Акванавт советовал ее Ключке как человека, который поможет уехать в «Дахабск» недорого. Лучшей рекомендации, согласитесь, желать просто неприлично. Попутно выяснилось, что Дахаб – место почти дикое, от ближайшего аэропорта в Шарм-эль-Шейхе его отделяет 100 км, больших отелей там нет, дискотек и ночных клубов – тоже.

Из достопримечательностей – гора Моисея.

«А чтоб обратно вернуться из Дахаба – это, интересно, тоже к Маше? Или к кому-то типа Моисея?» – мелькнула в голове почти пророческая мысль. Но она была тут же отброшена и забыта, как обычно и случается с пророческими мыслями.

Загадочной Маше я позвонила утром, еле дождавшись наступления более-менее приличного для деловых разговоров времени. «Билеты до Шарма и обратно могу тебе сделать сейчас за 300 долларов. Дешевле этого не бывает. Далее забью тебе кэмп – 10 долларов в сутки, со своей ванной и кондиционером. Летишь через десять дней. Устроит?» – «Ну в общем да, устроит».

Маша назначила мне встречу на станции метро в центре Москвы. Я раньше никогда не ездила за границу «дикарем» и наивно полагала, что все это устроено, дабы взять меня за руку и отвести в офис турагентства – чтоб не заблудилась, не дай Бог, по дороге. В метро ко мне подошла маленькая брюнетка, одетая в простенькие джинсы и спортивный пуловер. «Маша» – представилась брюнетка и окинула меня оценивающим взглядом. Я почему-то порадовалась, что ехала с занятий в фитнес-клубе и была тоже одета спортивно, без обычных каблучков сантиметров эдак в 17 и с минимум косметики на лице. По-моему, Маша осталась мной довольна. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. «Ну, деньги давай, а то у меня времени мало» – оригинальным образом прервала паузу девушка. Я остолбенела – ничего себе заявление! Я ее первый раз вижу, и сразу – «деньги давай!»... С какой вообще стати? «Ты мне что, не доверяешь?» – удивленно спросила Маша. Так.

Это мои последние на данный момент бабки – а вдруг эта Маша возьмет и с ними испарится? – а вдруг не испарится? – если я сейчас развернусь и уйду, то сохраню деньги, но никогда этого не узнаю – буду полжизни мучиться вопросом, как могло бы быть – цена вопроса триста баксов, что теперь, полжизни из-за трехсот баксов мучиться?!

«Отлично, билеты будут через пару дней, я тебе позвоню!» – сказала Маша перед тем, как впорхнуть в двери вагона.

«Дура ты, Аня! Ну совсем овца! „Маша-Дахаб“ – и это все, что ты о ней знаешь! Сто процентов тебя кинули! И вообще, Египет – помойка адская. Туда только лохи в отпуск ездят!» – пилила меня Симона.

Мы пили кофе у нее на кухне. С момента встречи с девочкой Машей прошла уже неделя, а от нее не было ни слуху ни духу. «Позвони ей, сейчас прямо! Вот увидишь, что я права – „абонент недоступен“ и все в таком формате» – настаивала Мона. Я уж было потянулась за трубкой, как вдруг телефон зазвонил сам. На определителе светилось «Маша – Дахаб»: «Привет! Ты когда билеты свои забереешь, тебе улететь послезавтра, не забыла?».

И настало послезавтра. И самолет ядовитого цвета с креслами, явно рассчитанными на безногих азиатов, уносит меня в полнейшую неизвестность. Четыре часа – более чем достаточно для того, чтобы вдоволь потерзать себе мозг.

Куда я лечу? В Дахаб – маленький бедуинский поселок на Синае, забытый Богом, чертом и египетским президентом. Что там забыла я? Да так, ничего особенного. Я всего лишь собираюсь потратить две бесценные недели отпуска на то, чтобы просидеть на глубине с тяжеленным баллоном, затянута в неопрен, в обществе людей, которых не знаю. Да уж, не отпуск – просто праздник какой-то... Ну, в любом случае, напрягаться-то уже поздно.

II. Анна-на

«Так, ладно, „моего“ мужика с табличкой здесь нет» – наконец признала я очевидное, покинув аэропортовый туалет и оглядевшись вокруг. Оставалась еще слабая вероятность, что он стоит снаружи. Выйдя на улицу, я сквозь плотные египетские сумерки разглядела занятую группу метрах в двадцати от дверей аэропорта. Группа состояла из двух мужиков откровенно славянской наружности, пустой бутылки виски и таблички с моей фамилией, перевернутой вверх ногами. Дяденьки были в таком состоянии, что понять, кто кого держит – они табличку или табличка их – было затруднительно. Делать нечего – я подошла к группе и робко сообщила, что встречают они меня.

«Так это ты Анн... Анна... на!» – произнес самый жуткий из них, огромный, бритый налысо чувак с бородой и в какой-то попоне вместо одежды. После чего, к моему ужасу, он бросил табличку и заключил меня в медвежьи объятия.

«А я – Тишина!» – громыхал он, как мне показалось, на весь Синай. «Ой, не придуши меня... Тишина... на» – взмолилась, наконец, я.

Добираться в Дахаб я должна была со вторым дяденькой, поджарым блондином лет сорока по имени Сергей. Когда мы с ним сели в машину, я не то чтобы испугалась, но несколько напряглась. Представьте: полночь, тридцатиградусная жара, вокруг пустыня, самум качает чахлую аэродромную пальму, на небе арабская такая луна размером с хороший таз... А в машине, меж тем, из динамика несется: «Колыма-Колыма, это Родина моя!» перемежаясь с «Владимирский централ, ветер северный...» и белым лебедем сами знаете на чем.

При этом сей чудный транспорт уносит вас на хорошей скорости в дикие горы, за рулем человек, которого вы видите первый раз в жизни, а мобильник оповещает вас о том, что «нет сети»... Согласитесь, нельзя обижаться на простую русскую блондинку, если в такой обстановке у нее возникают нехорошие мысли об отъеме паспорта и дедовщине в гаремах («Бахчисарайский фонтан» вспомните. Вспомнили? То-то же!).

Минут через десять, не выдержав культурной нагрузки, аккуратно интересуюсь: «По Родине скучаете?». Сергей в недоумении смотрит на меня, а потом на магнитола, исторгающую очередной куплет про достопримечательности города Магадана.

«Да это ж арабская машина – в ней магнитола кассетная, стародавняя. А из русских кассет у нас только эти – клиенты оставили. Если хочешь, могу арабскую поставить...» – но при этом лицо водителя столь красноречиво скривилось, что я поспешила отказаться.

«Вот спасибо. Я тут два года живу, и от этих „хабиби“ и „аллах акбар“, которые отовсюду звучат, просто на стенку уже порой лезешь!». После этого от сердца у меня несколько отлегло. А когда выяснилось, что Сергей – инструктор по дайвингу, и учиться я буду у него, отлегло окончательно.

Через час наша выдавшая виды «Тойота» опасливо пробиралась между какими-то нагромождениями – то ли это барханы из пустыни намело, то ли это – кучи мусора, в темноте было непонятно. Кругом – развалины, рядом с которыми кучковались жуткого вида бородатые люди. Ни единого фонаря. В смысле, целого фонаря... «Ну все, приехали. Добро пожаловать в Дахаб!».

С тихим ужасом в душе жду момента, когда прибудем в мой кэмп... В Дахабе существуют три разновидности мест, где может поселиться жаждущий понырять или посерфить (других сюда заносит редко). Есть гостиницы, с вполне приличными номерами, в которых присутствуют душ, кондиционер, а где-то и мини-бар. Стоят они порядка двадцати долларов в сутки. Еще есть своеобразная «резервация для белых», в которой располагаются отели класса «Hilton» и иже с ним. А есть так называемые кэмпы. Это намного интереснее, потому как здесь вариантов развития событий масса. Так, всего за три доллара в сутки вам представится шанс

отдохнуть от благ цивилизации. Не сомневайтесь, туалета, душа и кондиционера у вас в номере совершенно точно не будет. Будет огромное лежбище, «лампочка Ильича» под потолком, некое подобие стола, вентилятор (за дополнительную плату) и надпись «Punks not bend!» на двери. Все это великолепие окружено стенками из тростника. А вы будете окружены великолепной компанией – вокруг, в таких же «хижинах дяди Тома» живут те самые настоящие люди, общение с которыми стоит гораздо дороже любых денег... Но все это выясняется уже потом. После того, как вы поселитесь в другом кэмпе, за одиннадцать долларов, соблазнившись наличием удобств непосредственно в номере.

III. «Аляска, сэр!»

Мой кэмп носил гордое имя «Аляска» (очень актуальное посреди пустыни в сорокаградусную жару). Объехав очередную кучу не пойми чего, мы припарковались у перекошенных чугунных ворот. В которые долбили минут пять, пока, наконец, к нам не вышел заспанный бедуин. Бедуин спросил меня о чем-то по-арабски. Я по-английски рассказала ему о цели нашего визита, стараясь говорить как можно медленнее и членораздельнее. Выслушав мою эскападу, бедуин снова повторил арабское слово, всем своим видом ожидая от меня ответа на заданный вопрос... Минут десять мы вдвоем с Сергеем изображали перед бедуином пантомиму на тему того, что я прибыла из далекой заснеженной страны, где по улицам ходят медведи в лаптях, и горю желанием поселиться в кэмпе «Аляска». Бедуин молчал, и лишь левая бровь его, подобная черному полумесяцу, временами удивленно изгибалась... Сие был знак того, что наши усилия в очередной раз обратились в прах: дождавшись паузы, загадочный восточный человек вновь повторил свое странное слово... Эта грустная сага имела все шансы никогда не закончиться. Но, в конце концов, кто-то наверху сжалился над нами и послал озарение: человек сказал свое слово в двухсот пятидесятый раз, и тут мы поняли, что это он по-английски спрашивает: «reserved?». Что тут скажешь, кроме «Yes», стараясь говорить ооочень медленно....

За воротами взору предстала череда строений, архитектура которых удивительным образом напоминала о Родине. Такие можно часто встретить в российской глубинке. На дачных участках в них традиционно размещаются те необходимые блага цивилизации, на присутствие которых в своем номере я все еще втихаря надеялась... От одной из этих построек мне торжественно вручили ключ. На двери красовалась огромная цифра «13». К моему вящему удивлению, помимо вышеупомянутых благ, за дверью оказались еще и кровать, шкаф и кондиционер. Сходство моего обиталища с дачным сортиром усиливало еще и то, что щелястая дверь изнутри запиралась на крючок... «Да, девушка, допрыгалась, на этот раз тебя и правда занесло...» – думала я, разбирая чемодан.

Терзаемая страхами и сомнениями, открывала я дверцу ветхого фанерного шкафа, в котором в ширину могла уместиться разве что пара пляжных тапок. И тут последовало первое настоящее знакомство с Дахабом. В шкафу меня дожидалась огромная, потрясающей красоты морская раковина! После чего комната из «сортира номер13» преобразилась в дом родной, одна мысль о переезде из которого способна была вогнать в состояние черной депрессии.

Первое мое впечатление, полученное при въезде в Дахаб, тоже оказалось обманчивым. На самом деле в Дахабе есть вполне цивилизованная набережная с ресторанами и сувенирными лавками. На ней находился, как это ни странно, и мой кэмп. Просто те ворота, через которые мы въезжали, выходят на шоссе. А оно и днем выглядит не очень-то приветливо. Впоследствии я поняла, что это одна из характерных черт Дахаба – за неприятной, неказистой, часто вообще несуразной внешней стороной всегда присутствует красота. Настоящий Дахаб открывается тому, кто умеет видеть и ценить увиденное.

Что же, собственно, есть Дахаб? Маленький, относительно цивилизованный оазис, нашедший себе место на стыке двух морей: моря песка и моря воды. Рай для поклонников виндсерфинга и дайвинга. Просто – рай на земле. Где с утра до вечера с лица не сходит улыбка. Где понимаешь, что счастье – это здесь и сейчас, а не «тогда» и «потом». Где можно целый день сидеть на пляже и наблюдать, как море меняет цвет, потягивая лимонный «фреш»... А можно встать ни свет ни заря, ободрать себе пальцы, влезая в мокрый гидрокостюм, пыхтя, надеть довольно увесистую «скубу» (полностью собранный акваланг) и заняться тем, зачем сюда приехал.

Дайвинг стоит того, чтобы им заниматься. Под водой существует совершенно другая реальность. Кто-то видит там города. Кто-то – леса и сады. Я вижу другую планету, у которой нет ровно ничего общего с той, на которой я живу и которую знаю. Там невероятные цвета и звуки. Там не ходят, там парят (или ползают... ну тут уж кто как). Там живут странные, красивые, непонятные, завораживающие существа. После всплытия периодически имеют место такие диалоги: «Я такой цветок интересный видела! Растет на коралле, такой красивый, разноцветный, колыхается... А если над ним провести рукой, он сразу сворачивается и прячется!» – «А, понял. Это морской червяк. Он так охотится». «Что ты мне так упорно показывал в той куче камней?» – «Это не куча камней, это рыба-крокодил!» В любом случае, под водой происходит, и очень активно, потрясающе интересная жизнь. И дайвинг – это уникальная возможность в эту жизнь заглянуть. К тому же есть свой кайф в том, чтобы выйти за пределы возможностей собственного организма – ведь, как известно, человек не предназначен для того, чтобы дышать под водой...

IV. Удивительное – рядом

Мне очень повезло с инструктором. Достаточно сказать, что меня учил бывший подводный диверсант. После ухода с военной службы Сергей перепробовал множество профессий. Был водолазом в Питере. Фотожурналистом в Киеве. Занимался бизнесом в Краснодаре. В итоге стал дайвинг-инструктором. «Это – мое любимое дело, я им живу» – признался он как-то.

Дахаб умеет удивлять. Удивляет всем: людьми, морем, порядками... Едем на очередной дайв, дороги толком нет, кругом – пустыня. Посреди пустыни – шлагбаум... Возле шлагбаума два серьезных бедуина с автоматами, все в черном, несмотря на дикую жару. Возможно, стерегут, чтоб не украли... Спрашивать как-то никто не рискует. Красть – тем более.

Подъезжаем уже к другому шлагбауму. На сей раз явно на лицо все признаки государственного КПП – будка, мужики в военной форме. Мы подъехали и стоим – мужики совершенно не обращают на нас внимания, хотя больше здесь внимание обратить просто не на что. Они заняты, сидят на корточках и возятся с чем-то на земле. Рядом пальма, на пальме – автомат висит. В конце концов наш рассерженный клаксон отвлек одного из этих «рэмбо» от его занятий. Подошел к нам молодой солдатик, снял неспеша оружие с пальмы, повертел в руках разрешение: «А, русские дайверы... Проезжайте». Проезжаем мимо того места, где минуту назад что-то мастерили на песке доблестные войны. И выпадаем в полный анабиоз от увиденного – из камней на земле выложены совершенно психоделические рисунки в стиле графики раннего Пикассо. Причем выложены они повсюду в радиусе километра. Вот какие таланты зря пропадают, и оказывается, что не только в наших вооруженных силах...

Дайв с лодки. Погрузились, все классно, под конец море сделало нам подарок в виде двух скатов-орляков, пролетевших мимо на расстоянии вытянутой руки. После всплытия с удивлением наблюдаем, как катер, который должен был нас подобрать, отбывает в неизвестном направлении... Слава Богу, потом он за нами все-таки вернулся. Оказалось, опять трудности перевода: капитан не понял, о чем мы его попросили, но на всякий случай сказал «Ок» (по крайней мере, так мы поняли его объяснения).

V. Прощай?..

Любой, кто попадает в Дахаб, рано или поздно впадает в состояние спокойствия и позитива. В глазах солнце, в ушах соль, в душе – регги. А вокруг – счастье. Просто оттого, что день. Оттого, что солнце. Оттого, что живешь и все это видишь. (Может, еще и оттого, что на третий день мобильный телефон окончательно и бесповоротно «умирает». Как у меня, например). Но куда приедем до местных! Особенно до местных старожилов. В Дахабе периодически появляется совершенно замечательный дед-бедуин, который олицетворяет собой ходячий девиз всех пофигистов мира: «Dont worry, be happy!». Ничто не способно лишить его душевного равновесия. Возможно, причиной тому – божество, служению которому дед посвятил всю жизнь чуть не с колыбели. Божество это древнее. Почти как Анубис. И зовут похоже – Канабис.

Как ревностный жрец, дед никогда и ни при каких обстоятельствах не расстанется с предметом для отправления культа – кальяном с травой. Зарабатывает он на жизнь тем, что держит на побережье, на отшибе от Дахаба, кемпинг из нескольких домиков. Домики построены из того, что под руку попало, с полным отсутствием намека на канализацию, электричество и прочие излишества. При этом кемпинг довольно популярен: взамен за отказ от цивилизации вы получаете несколько дней полного уединения, абсолютного отрыва от внешнего мира и всего, что с ним связано. Окружающая действительность словно срисована с каталонских пейзажей Дали: желтые горы, синее небо, желтая пустынная земля, синее спокойное море... А в качестве антропоморфного глюка присутствует обвешанный баллонами дайвер, медленно бредущий к воде, или бедуинский дед, сидящий на пороге своей халупы и непрерывно возносящий хвалу божеству Канабис.

Однажды на Дахаб обрушился шторм. Сильнейший ветер налетал с моря, снося все на своем пути. Понятный пень, деда с канабисом это обстоятельство ни коим образом не волновало – он, как сидел с кальяном на пороге, так и продолжал сидеть. Но вот пришла ему надобность пройтись до бархана, подумать о вечном. Кальян дед оставил дома. А зря. Потому что пока он ходил, его домик от сильного порыва ветра сложился стенками внутрь. Вернувшись и обнаружив такую беду, дед нисколько не изменился в лице. Постоял, подумал, потом стал ртыться в обломках. Через какое-то время извлек из-под них кальян. После чего поудобнее устроился на развалинах и с наслаждением затянулся...

...Зал ожидания был полон людей, утомленных отдыхом по системе «все включено». Рейс «Шарм-эль-Шэйх – Москва» задерживался на неопределенное время. Да, после некоторых колебаний я все-таки решила покинуть Родину духовную и вернуться на Родину историческую. Стою, уговариваю себя, что мне не жаль покидать Дахаб. Потому что мой Дахаб – это не точка на карте. Это состояние. И оно всегда со мной, где бы я ни оказалась.

В ожидании самолета, я проводила ревизию собственных эпохальных решений. Во-первых, я твердо решила уволиться с работы. Потому что жить по выходным, а остальное время существовать, занимаясь нелюбимым делом – это не мое. Вокруг масса возможностей, и, только имея смелость выйти за рамки предложенного, можно получить то, чего действительно хочешь. Во-вторых, я везу из Дахаба миллион историй (вывоз всего остального отсюда все равно запрещен), и в Москве меня ждут люди, которым я хочу их рассказать. А для меня, да и, думаю, для любого важно, когда такие люди есть, и они рядом. В-третьих, я знаю, кому напишу по смс хокку. Или хайку. Или просто что-нибудь напишу. Может быть, про то, как на глубине тридцати метров разучилась врать себе. Или про то, что, только сидя вне зоны доступа, разобралась, чей голос действительно хочу услышать. Я знаю, меня поймут, и обязательно ответят... Если, конечно, когда-нибудь включится этот дурацкий телефон!

VI. «Ты туда не ходи!»

Незадолго до отъезда я отправилась в Голубую Лагуну. Это маленькое бедуинское поселение километрах в двадцати от Дахаба, на берегу залива пронзительно голубого цвета, который и дал название деревушке. Добраться сюда можно на джипе, на верблюде и пешком по берегу моря верблюжьими тропами. Именно последний способ считается предпочтительным.

«Сходи в Лагуну, разберись с собой» – посоветовали мне локалы (так сами себя называют «одахабившиеся» русские и европейцы), когда я пожаловалась на ночные кошмары.

Тропа начиналась от знаменитого дайв-сайта Блю Хол и шла вдоль моря, периодически ускользая в мокрые прибрежные скалы. Протопав так три часа, временами рискуя сорваться в море вместе с увесистым рюкзаком, я почти уверилась – суть этого метода психотерапии заключается в том, чтобы заморить пациента до полусмерти физической нагрузкой. Выжил – будешь радоваться до конца дней своих. Не выжил... Ну, что ж, от депрессии в любом случае избавился.

Карту местности мне заменял клочок бумаги, где некий добрый человек от руки нарисовал примерное направление и ориентиры. Сбиться, по его словам, было невозможно – «все время идешь от Блю Хола вдоль моря, пока не доберешься до большой лагуны. Там на берегу стоят бедуинские хуши (тростниковые хижины-навесы). Они сдаются, стоят доллара три-четыре в сутки. Спросишь Салима – это дед такой веселый, вечно накуренный, он там главный». На последнем участке пути перед Лагуной можно было «срезать» через пустыню, сэкономив таким способом от сорока минут до часа пути. Что было немаловажно – дабы не схватить тепловой удар, в путь я отправилась во второй половине дня, и топтать лишний час после захода солнца в одиночестве мне совершенно не улыбалось. Хоть меня и уверяли, что ничего страшного случиться там не может, но все равно неприятно, да и темноты боюсь с детства.

Зрелища менее жизнеутверждающего, чем Синайская пустыня в предзакатное время, сложно себе вообразить. Серый песок, давящие тени гор, какая-то бетонная развалина и козлиный череп. Никаких признаков жизни, ни единого кустика, одни засохшие колючки, которыми не соблазнишь даже умирающего от голода верблюда. Ветер гоняет туда-сюда серую пыль, которой больше подошло бы слово «прах». В какой-то момент чувствую, что происходит нечто необычное. Что-то явно не так. И вдруг понимаю – тишина. Тотальная. Совершенная. Абсолютная. ТИШИНА. Единственное, что ее нарушает, это звук моих шагов и мыслей. Останавливаюсь. Ощущение, будто в мире выключили звук. Стою и погружаюсь в эту тишину, сливаюсь с ней до ощущения, что я – часть мира, а мир – часть меня. Вдруг мир начинает менять цвет, из серого превращаясь в золотисто-розовый. Я будто в одно мгновение перенеслась на другую планету. Это заходящее солнце окрасило горы и пустыню своими последними лучами. Оказывается, мир может быть другим, стоит лишь сменить освещение...

Проводив солнце, я отправилась дальше. До Блю Лагун, если верить моей «карте», оставалось всего ничего. По пустыне я шла, ориентируясь на колею, оставленную колесами джипов. Колея уводила меня все ближе и ближе к горам. Вдруг откуда-то возник человек, быстрым шагом идущий мне навстречу. Местный, бородатый бедуин, в рваной майке и трениках.

– Салям Алейкум. Куда идешь?

– В Блю Лагун.

– Ты сюда не ходи. Это дорога не на Блю Лагун. Правее ходи, ближе к морю!

– Спасибо...

Хуши, черневшие на фоне звездного неба, напоминали затаившихся невиданных зверей. «Звери» похрапывали, значит, какой-то народ в Лагуне был. По тлевшему в десятке метров от меня огоньку и характерному запаху травы я догадалась, где искать Салима.

Через пятнадцать минут я уже поела свежую рыбу с рисом и запивала ее ароматным, очень сладким бедуинским чаем, который разливается из закопченного котелка и пахнет костром. Самая вкусная еда на свете – ужин в конце долгого похода, который ешь руками. О существовании такой вещи, как вилка, в Дахабе быстро забудет даже самая манерная светская девица. Кстати я, ко всему прочему, искренне считала себя вегетарианкой. До того момента, пока Тишина прилюдно не накормил меня бараньим шашлыком... По словам Салима, белого народу набежало много, и свободной осталась лишь одна хуша, самая дальняя, в конце длинной песчаной косы, уходящей в море. Зато там уж точно никто не будет беспокоить... Я до последнего оттягиваю момент похода на ночлег – для того, чтобы попасть к хуше, мне придется преодолеть метров сто абсолютно пустой и темной косы. Без фонаря, ибо его у меня, конечно же, нет. А я, между прочим, лет до пятнадцати засыпала только со включенным ночником и приоткрытой дверью. Один из бедуинов, готовивших еду, предлагает проводить. Нет уж, спасибо. Если выбирать между просто темнотой и темнотой в сочетании с мало-знакомым бедуином, однозначно выберу первый вариант...

К тому моменту, когда я добираюсь до середины косы, сердце мое оказывается где-то в пятках, страх парализует дыхание. «Все, не дойду на хрен» – стучит в висках единственная мысль. Сбылись все мои ночные кошмары – с двух сторон бушует штормящее черное море, позади раздается вой ветра и постанывания верблюдов, впереди ничего не видно, одна крошечная тьма. Поднимаю взгляд, дабы послать небу немой укор и застываю. Небо доброжелательно улыбается мне огромными звездами. Все темные ночные демоны под его успокаивающим взглядом замирают, съеживаются и исчезают. Я уже знаю, что навсегда.

Оставшиеся пятьдесят метров только что не пою и не скачу вприсядку – на место страха приходит бешеная эйфория.

Добравшись, наконец, до пятачка на конце косы, бросаю спальник прямо на пляже. Море у берега мерцает, как электрическая гирлянда – это светится планктон и особый вид водорослей. Полночи провожу в молчаливой беседе «за жизнь» с ночным морем и звездами, которые понимающе подмигивают.

Просыпаюсь оттого, что меня кто-то вылизывает. Первое, что приходит в голову спросонья – жуткая мысль о вчерашнем бедуине, напрашивающемся в провожатые. Открываю глаза – ну Слава Богу, это огромная рыжая псина решила меня умыть и причесать. «Баги, Баги!» – раздалось откуда-то сбоку. Хозяин зверюги извинительно помахал мне с другого конца пляжа.

Кроме веселого Баги оставшиеся три дня мне никто не досаждал своим обществом. Если Абсолютный Вселенский Покой можно было бы нарисовать, больше всего он был бы похож на Голубую Лагуну. Бирюзового цвета залив глубиной по щиколотку совершенно непригоден для дайвинга, да и для винд-серфинга тоже, а потому большинству дахабских туристов и спортсменов здесь просто нечего делать. На берегу Лагуны живет семья, состоящая из Салима, его жен и нескольких взрослых сыновей. Семейство рыбачит в заливе, пасет стадо худосочных разбойных коз и нескольких меланхолических верблюдов и в общем-то, этим их деятельность ограничивается.

В последние годы, правда, здесь часто стали появляться какие-то иностранные чудаки. Им Салим сдает несколько тростниковых навесов за пару долларов в сутки, а его родственники готовят для них еду. Белые чудаки же через пару дней пребывания в Лагуне становятся совсем чудными оттого, что забыли, в каком веке живут. Время остановилось здесь передохнуть еще во времена Моисея, и с тех пор так и застыло в этом красивом месте. Вот и белым чудакам тоже хочется застыть здесь навсегда, чтобы не возвращаться к стрессам, Интернету, карьере, гламуру, дорожным пробкам, мобильникам, начальникам и прочему мусору, которым они так успешно загадили себе жизнь.

Послушавшись совета, я не взяла в Лагуну ни книг, ни плеера. И в первый день очень об этом пожалела. Мозг, привыкший все время пережевывать какую-нибудь информацию,

поступающую извне, никак не мог смириться с тем, что отвлекающих факторов больше нет. И вот тут в голову полезли все те самые мысли, от которых человек в большом городе успешно может спрятаться и отвлечься. Очень неприятное и болезненное ощущение, когда все твои страхи, стрессы и сомнения разом вылезают из потаенных углов, берут за горло и требуют разобраться. Тараканы в моей голове затеяли бешеный хоровод, который чуть не свел меня с ума. Я не заметила, как вырубилась и проспала полдня. А когда проснулась, обнаружила, что окружающий пейзаж совершенно изменился. Вечернее солнце окрасило древние горы в лиловый, небо в золотой, а море – в ярко-зеленый цвет. По мере того, как оно садилось, оттенки менялись, и это было бесконечно увлекательное зрелище. Я обнаружила, что вот уже сколько времени ни о чем не думаю, а просто пропускаю через себя поток ощущений. Тот самый эффект, которого я безуспешно пыталась достичь в зале йоги, лениво подумалось мне. Год корячилась, а тут оно само... Хотя – какая разница... Следующие два дня прошли в состоянии стопроцентного покоя, как внешнего, так и внутреннего. Позавтракав принесенными с собой соком и печеньем, я отправлялась плавать. А потом весь день либо созерцала, лежа на берегу, лазурный пейзаж, либо бродила вдоль косы и разглядывала маленьких осьминожек и каракатиц, которых отлив оставил на ослепительно белом коралловом песке.

Иногда поблизости появлялись сыновья Салима, они ловили рыбу и собирали мидий во время отлива. Наше общение ограничивалось приветственными взмахами рукой. Вечером я по косе добредала до поселения, где ужинала рыбой с овощами и бедуйским чаем. Ко мне подсаживался Салим с неизменным косяком, и гостеприимно предлагал присоединиться. Я отказывалась и предлагала ему джина, предусмотрительно захваченного с собой. Салим, в отличие от меня, от угощения не отказывался никогда. Мы практически не разговаривали, и это никого не напрягало. Так и сидели над стаканами, в клубах дыма, некоторое время, в молчании созерцая звезды, пока я не просталась, отправляясь спать. Через три дня я попрощалась окончательно и отправилась в обратный путь. Я удивлялась на каждом шагу красоте тех мест, через которые прохожу, и поражалась, как же этого можно было не заметить по дороге в Лагуну. Сколько же еще всего я не заметила, пока носилась по жизни, как оглашенная? Сколько всего пропустила? И по каким причинам? Автоматическая отмазка городского человека: «нет времени» здесь не работает. На что нет времени? Остановиться, сделать вдох и оглянуться вокруг? Заметить, наконец, что сегодня прекрасный солнечный день, а облако над головой удивительно похоже на сказочного единорога... Да куда уж там, когда жизнь несется мимо с такой скоростью, что к концу рабочего дня ты плохо помнишь, какой на дворе месяц и как тебя зовут. Да и зачем – первое не важно, пока в офисе и машине исправен климат-контроль, а имя-отчество рано или поздно напомнят подчиненные. Ну какие к дьяволу красоты природы, когда жителю мегаполиса и дышать-то толком некогда? Будильник – вдох – кофе – пробка – черт, опаздываю! – уф, успел – посмотри электронную почту срочно – дорогая, все изменилось: на выходные лечу в Шанхай по работе – бутерброд съеден на бегу между этажами – приступ гастрита заеден но-шпой, надо все же дойти наконец до врача – куда смотрели эти идиоты, отправив коносамент вместо Владивостока в Гондурас! – ура, домой, как хорошо, что хоть в десять вечера нет пробок – черт подери, опять президентский картеж Садовое перекрыл! – любимая, я умер, поговорим завтра – выдох – будильник... Эй, человечество, сбавь обороты! Так ведь и до вымирания вида недалеко. А в учебниках для киборгов потом напишут: «Предположительно, люди вымерли в результате всеобщего кислородного голодания»...

Уже перед самым Блю Холлом тропинка ушла резко вверх, и пришлось лезть в гору, пыхтя и тихо матерясь. Зато когда я выползла на ровную площадку, передо мной открылась просто фантастическая картина. Далеко внизу было море, совершенно прозрачное и спокойное. И я, стоя на скале метрах в пятнадцати над ним, увидела на воде собственную тень. Постояв так некоторое время, с сожалением вспомнила, что пора идти, ведь завтра я улетаю, а надо еще успеть со всеми попрощаться и поблагодарить.

И вот, добравшись до Дахаба, я топала по набережной в свой кэмп, дабы привести себя в порядок или хотя бы отскрестись от соли. После Лагуны Дахаб, состоящий из двух с половиной сонных улиц, показался мне оживленным и суетливым. Первой же знакомой рожей, встреченной на набережной, стал Тишина. Который был несколько обескуражен тем, что я без предупреждения накинулась на него с объятиями – перед моим уходом в Лагуну мы разругались чуть не до драки.

– Анна-на... Ты чего это?

– А я вообще людей люблю!

– А, понял – накурил тебя Салим! – обрадовался Тишина, которому это сделать так и не удалось. Я не стала его разубеждать – мне пофиг, а человек пусть порадуется. Обнявшись и горланя песни «Битлз», мы с Тишиной двинулись в сторону ближайшего кафе с твердым намерением выпить в честь примирения и моего предстоящего отъезда... За ужином я рассказала ему о встрече с бедуином по дороге в Лагуну.

– Да уж, там осторожнее надо. В горах – плантации с анашой, которые чуваки с «калашами» охраняют. Стреляют в любого незнакомца без предупреждения. Сам, сколько здесь живу, ничего такого не видел, но – люди говорят...

– У нас был ужасный отель! Все включено, а огурцов на шведском столе ни разу не ложили! За что только деньги плачены! – из приятных воспоминаний меня выдернул голос пергидрольной тетушки-тумбочки, которая верещала на весь аэропорт Шарм-эль-Шейха. Согласно билетам, мы уже часа два как должны были быть в воздухе, но пока даже не объявили регистрацию. Вот она, романтика чартеров...

– А у нас анимация была ни к черту! Мало развлечений совсем – ни клоунов тебе, ничего. Один танец живота каждый вечер... – жаловалась в ответ увешанная золотом мадам неопределенного возраста с откровенно перекачанными силиконом губами. Насколько я могла судить, она прибыла на отдых в обществе толстопузого «папика». Ему, что ли, клоун понадобился?..

– Арабы, что поделаешь... – это ни с того ни с сего включился «папик», обдав окружающих волной многодневного перегара... И тут мерзкий фальцет одной из моих клиенток, певицы Вивианы Сволочковой буквально пригвоздил меня к месту:

«У-У-УЕ,
Я скучаю по тебее!»

«Бе-бе-бе!» – заголосила группа «Стервочки» на подпевках. Шмотки, тусовки, скучающая по у. е. Вивиана, кто какой отрастил целлюлит и кто кому дал – Боже, как далеко все это. Как будто во сне приснилось. В кошмарном... Нет, только не туда!

– Вивианочка встречается с Фомой Митяевым! У них свадьба скоро! Они такая красивая пара! – чирикала тетушка-тумбочка, тыкая всем окружающим под нос свой телефон. В памяти несчастного аппарата хранилось полное собрание бесценных сочинений Сволочковой, ее хищно ослабившийся отбеленными зубками портрет, а так же подловатая рожа сериального актера Митяева.

– Да не будет свадьбы – Фома Митяев гей! – выдав напоследок «серьезную коммерческую тайну», я развернулась к изумленной публике спиной и направилась к выходу из аэропорта.

– Я не верю! Я в газете «Жизнь» читала! – неслись мне во след рыдания митяевской поклонницы, оскорбленной в лучших чувствах.

Микроавтобус русской серф-станции еще не уехал обратно в Дахаб. Водитель с редким для араба именем Мухаммед топтался возле машины, поджидая последних клиентов с прибывшего сегодня авиарейса.

– Салям, Мухаммед! Yes, I am coming back!

Welcome to the hotel California!
Such a lovely place,
Such a lovely place...

– раздавалось из старой магнитолы микроавтобуса, уносящего меня и компанию охотников за ветром в дикие горы. Мы подпевали, как могли. Вокальным талантам способствовала пущенная по кругу бутылка виски. «За приезд!» «За ветер!» «За Дахаб!» «За правильные решения!». Под одобрительное улюлюканье попутчиков я порвала обратный билет и выбросила его в окно. Ветер подхватил клочки и, кружа, понес их куда-то в сторону Израиля...

Relax said the nightman
We are programmed to receive
You can check out any time you like
But you can never leave!

Часть II. Лицо дахабской национальности

Полуостров населен лишь горсткой бедуинов, добывающих себе пропитание выращиванием фиников да разведением коз у подножья гор.
www.goegypt.ru

I Возможность полуострова

Я поставила стакан с лимонным фрешем на стол, откинулась на подушки и поняла: обьелась. А ведь от гигантской пиццы осталась еще больше половины! Может, с собой забрать, лениво размышляла я. Ведь теперь у меня холодильник есть.

Отодвинув до поры до времени тарелку, я водрузила на низенький стол ноутбук и попыталась выйти в сеть. Как это ни странно, интернет заработал, причем довольно хорошо. На сайте «ВКонтакте» – с десятков сообщений от обескураженных друзей и знакомых: «Ты как там в своем Египте?». Социальные сети да аська – последние тонкие ниточки, связывающие меня с большим миром.

На вопрос о делах народ скорбно повествует, как, зайдя в офис, привычным движением выливает воду из ботинок, какой тупой и жадный нынче пошел клиент, как выросли цены в супермаркетах, пересказывает последние «отжоги» «Стервочек» и Ко. Из Дахаба все это кажется какой-то виртуальной реальностью. Жанр фэнтези. Параллельный мир.

«Аня, ты когда к нам?» – вопрошает аська. Я смотрю на фиолетовое осеннее море, что плещется почти у самого локтя. На набережную, по которой каждые несколько минут проходит кто-нибудь из знакомых и, счастливо улыбаясь, машет мне рукой. И отвечаю: «Гы...».

Пока я отвлеклась на московское «виртуалити», у меня похитили еду. Я успела лишь заметить рыжий всполох и мелькнувшие над тарелкой острые клыки. После чего кусок пиццы сам собой соскочил со стола и, перебирая четырьмя лапами, засеменял по набережной. Молодой рыжий кот давно караулил возле стола, и вот воспользовался моментом. «Кыттон бортукалий» по-арабски, в дословном значении «апельсиновый кот». Хорошее было бы название для бара... Только для того, чтобы здесь открыть ресторан, а уж, тем более, питейное заведение, нужно извернуться Аллах знает как. Во-первых, мусульманская страна со всеми вытекающими. Получить здесь лицензию на торговлю алкоголем очень тяжело. Хотя его здесь производят. И не только немислимое пойло «Омар Хайям» под условным названием «вино», но и неплохое пиво, тростниковый ром, не менее тростниковый «шотландский» виски и даже водку «Волга». На которой мелко, но честно пишут: «Сделано в Каире». То бишь – на ваш страх и риск, господа... В кафе, где выпивку не продают (а таких – большинство), можно приходиться со своей, а то и вовсе подрядить официанта сбегать в район Ассала, в единственную в Дахабе лавку, торгующую спиртным. Во-вторых, по закону, если иностранец открывает в Египте дело, он за одного нанятого на работу европейца обязан трудоустроить к себе чуть не несколько десятков египетских граждан. А это, поверьте на слово, такое соотношение, которого не пожелаешь и злейшему конкуренту. И дело вовсе не в том, что египтяне плохие, а европейцы – хорошие, или наоборот. Просто очень уж разный менталитет и, как следствие, возникают чудовищные проблемы со взаимопониманием.

В «апельсиновых котках», а так же в псах, здесь недостатка нет. Зверье плодится в Дахабске дико и бесконтрольно, сбивается в стаи и бродит по улицам в поисках еды. Стоит сесть за столик в кафе на берегу, как тебе тут же приносят пластиковую бутылку – «вода для котов». Люди новые по наивности думают, что нее надо «поить котиков», и умиляются. Все умиление, так же как и все вопросы, исчезает, когда на запах еды (неважно даже какой) к тебе сбегаются

совершенно дикие и бесцеремонные коты, причем, судя по их количеству, со всего Египта. «Котики» начинают мерзкими голосами требовать жрать, а наиболее наглые хватают куски со стола и прямо из рук. Причем дахабские кошки метут все, включая бананы, хлеб и незрелые помидоры... Я очень люблю животных, а котов особенно. Но без брызгалки с морской водой обедать не сажусь. Кошки не обижаются и по возможности тырят что-нибудь с тарелки. Самые маленькие иногда позволяют почесать себя за ушком и даже взять на руки.

Помимо котов в открытых кафе имеет место еще одно явление, от которого брызгалкой не отделаешься (хотя иногда и очень хочется). Это – бедуинские дети. Нет, поймите меня правильно, я очень люблю детей... Но не когда они во время обеда облепляют меня плотным кольцом и суют под нос плетеные браслетки, нудно канюча при этом: «Вуу опе!» («Купи один!»). А купишь у одного, заплачет от расстройства второй, и так далее. В общем, не дай Бог развязать эту историю – при мягком характере и отсутствии силы воли можно выйти из-за стола без копейки денег. То, что у меня все руки и ноги уже увешаны этими «байванами», для юных предпринимателей никакой не аргумент. «Купи один для сестры!» – не теряются мелкие террористы. И то, что нет у меня сестры, их совершенно не волнует... Детки эти треплются на нескольких языках чуть не с грудничкового возраста. И, наверное, тогда же начинают работать – плести фенечки и донимать ими туристов в кафе, обед в которых не по карману их родителям... Я все же покупаю байваны иногда, соблюдая все меры предосторожности – жалко мне этих несчастных детенышей, ничего не могу поделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.